

В БОСНИЙСКОМ УЗЛЕ

К 20-ЛЕТИЮ ВЫВОДА РОССИЙСКОГО КОНТИНГЕНТА С БАЛКАН

Павел **ЛАБУТИН**, генерал-полковник, в 1997–2005 гг. начальник штаба – первый заместитель командующего ЛенВО

В 2001 году воины Ленинградского военного округа вошли в состав международных миротворческих сил СФОР (SFOR – Stabilization Force), стоящих на разграничительных линиях враждующих сторон на территории Боснии и Герцеговины.

Они стали преемниками 1-й отдельной воздушно-десантной бригады, с 1996 года воюющей в бывшей Югославии и прославившейся совершенным в ночь с 11 на 12 июня 1999 года марш-броском на Приштину, к аэропорту «Слатина». После проведенных международных консультаций и переговоров стороны договорились разместить российский военный миротворческий контингент в Косово и Боснии в пределах районов, которые подконтрольны Германии, Франции и США.

В 2001 году командование бригадой и ее обеспечение отошло Сухопутным войскам. Осенью того же года миротворческие соединения в Боснии и Косово были переданы соответственно Ленинградскому и Московскому военным округам. России не было отведено специального сектора из опасения со стороны НАТО, что это приведет к фактическому разделению края.

Полуторатысячная российская бригада продолжала выполнять свой интернациональный долг в составе многонациональной дивизии «Север», но вскоре она была сокращена до 350 человек и реорганизована в Российский воинский контингент (РВК), штаб которого находился в Боснии в поселке Углевик. Зона ответственности РВК (территория в 1750 кв км с длиной линии разъединения в 75 км) включала северо-восточные части Республики Сербской

и восточные части Мусульmano-хорватской федерации. Туда-то на смену отслужившим свой срок десанникам отправлялись бойцы ЛенВО.

Вообще говоря, разведка нашего округа всегда самым пристальным образом следила за военной активностью не только в сопредельных странах, но и в целом во всем мире. Так, по своим каналам мы заранее предсказали не только сам факт, но и точную дату бомбардировок НАТО в Югославии в 1999 году и вторжения их сил в Ирак. И, конечно, знали, насколько взрывоопасна там обстановка даже через несколько лет после установления хрупкого мира между существующей только на патриотизме и энтузиазме армией Республики Сербской и поддерживаемой американцами армией Мусульmano-хорватской Федерации.

Узнав о возложенной на округ миссии, я первым делом связался с командованием Воздушно-десантных войск и запросил документацию о пребывании на Балканах российского контингента. Из отчетов составил для себя следующую картину. Линия водораздела прошла не только между вооруженными формированиями, но и среди мирных жителей: если раньше население городов и сел было многонациональным и многоконфессиональным, то после войны с введением СФОР населенные пункты по разные стороны разграничения стали либо чисто православными (сербскими), либо мусульманскими (в основном боснийскими), либо католическими (хорватскими). При этом сербы очень благожелательно относились к российским миротворцам, а боснийцы – с подозрением. Учитывая, что со времен войны в тех краях в каждой семье в амбаре или подполе был припрятан целый оружейный арсенал (с гранатометами, минометами, не говоря о «калашах» и пистолетах, которые имелись у каждого подростка), становится понятно, насколько опасной и требующей дипломатического подхода была миссия у миротворцев. Помимо местных властных структур и населения, им предстояло иметь дело с другими подразделениями многонациональной бригады «Север»: американцами, итальянцами, поляками, турками, датчанами, голландцами, всего представителями 37 стран. При этом численность только одного из трех американских отрядов в десять раз превосходила российский контингент, а поляков было вдвое больше. Формально командир РВК подчинялся командующему американской базы «Игл».

Вот с таких исходных позиций мы приступили к подбору и подготовке нового контингента. Две трети его были призваны и запаса военкоматами Ленинградской, Псковской, Мурманской

областей в соответствии с теми военно-учетными специальностями, которые были необходимы... Большинство имело опыт службы в «горячих точках», в том числе и на Балканах. Для новой миротворческой бригады было отобрано 320 человек: 90 офицеров, 31 прапорщик и около 200 военнослужащих сержантского состава. Возглавил ее полковник Сергей Прокошев, бывший прежде заместителем командира 20Бр Спецназа ГРУ по боевой подготовке.

На базе 25 омбр в поселке Струги Красные Псковской области был сформирован специальный учебный центр, создана программа доподготовки, рассчитанная на 160 часов. На занятиях восполнялись знания особенностей культуры, обычаев, традиций народов, населяющих Боснию и Герцеговину. Особое внимание уделялось работе на средствах связи, знанию правил радиообмена, ориентированию по топографическим картам на незнакомой местности. На практических занятиях тренировали навыки по организации и ведению наблюдения, досмотру транспортных средств и граждан. Жизненно важным было обучить всех отъезжающих азам инженерной подготовки, правилам поведения на минно-опасных участках, поскольку тысячи смертоносных снарядов, бомб и мин еще усеивали многострадальную землю Боснии. Были учения по отражению нападений террористических групп, прекращению массовых беспорядков, ликвидации пожаров.

И вот, наконец, поздним осенним днем 2001 года транспортные самолеты с личным составом, а также с тяжелой военной техникой, автомобилями, вооружением на борту поднялись в воздух и, минуя границы нескольких государств, приземлились на аэродроме американской авиабазы «Игл».

Российская база «Углевик» рядом с одноименным поселком сербских горняков, располагалась в бараках, которые раньше занимали строители из республик Советского Союза. До войны 1992–1995 года они успели закончить две из трех очередей ТЭС, работающей на местном буром угле. Эта станция, по-сербски – Термоэлектрарна, знаменита своей 312-метровой трубой, с которой в День ВДВ совершали прыжки наши парашютисты. Отсюда до пограничной с Хорватией реки Сава 45 км. От российского базы Углевик через навесной мост через речку Янья, именовавшийся «Мостом дружбы», дорожка вела в БР Углевик 2. Там в палатках располагались американский спецназ и подразделение российских разведчиков, о чем свидетельствовали американский и российский флаги в разных концах лагеря. Это, наверное, единствен-

ный в новейшей истории пример совместного проживания солдат двух армий. На территории Углевика 2 имела вертолетная площадка, которой также пользовались сообща. И вообще отношения между российскими и американскими десантниками были самые дружеские. Рассказывали, что когда Арнольд Шварцнеггер еще до избрания губернатором Калифорнии побывал в американском расположении СФОР, на встречу пригласили и русских войников, как называли их местные жители.

Отсюда, с базы «Углевик», каждый день на двух бэтрах наши ребята отправлялись патрулировать районы ответственности РВК. Поля, села, горные перевалы. В гористой части улочки порой напоминали американские горки, а дома лепились на них, казалось, вопреки всем законам физики. С первого взгляда мало что напоминало о минувшей войне. Но она за три года, с 1992 до 1995-го, выкосила в Боснии 200 тысяч человек (больше чем в любой другой части бывшей Югославии), превратила в беженцев еще полмиллиона и пустила глубокие корни в душах людей. Все помнилось, будто вчера... Выживали не в одиночку – семьями, кланами, общинами. В домах окна, двери заваливали мешками с песком, внутрь проникали через тайные лазы. Вылезти наружу без прикрытия чаще всего означало верную смерть от орудовавших повсюду банд. И теперь они в подвалах старались устроить склад самого насущного на месяцы вперед, никому ни в чем не доверяя. Война могла вспыхнуть в любой момент из-за любого предлога. Так, боснийцы, в разгар военных действий покинувшие свои дома, в начале 2000-х стали предъявлять претензии к заселившим их сербам, в то время как последним попытаться вернуться в свои жилища на боснийской стороне, занятой войсками НАТО, было равносильно самоубийству. Еще во время войны в Боснию потянулись боевики из Саудовской Аравии, Афганистана, Египта, Турции, российского Северного Кавказа, образовавшие десятитысячную дивизию «Аль-моджахеддин».

Когда после заключения Дейтонского соглашения о прекращении огня в ООН обсуждали дальнейшую судьбу Югославии, моджахеддов решили там оставить, чтобы, дескать, остепениться, взялись за ум да заодно оставались на виду. На деле, чувствуя себя безнаказанными за спиной натовских военных, они усиленно исламизировали те районы, где исторически жили православные общины: отжимали дома, строили мечети. Управы на них искать было негде. Даже на воротах российской базы время от времени обнаруживали отрезанные головы собак. Под угрозой террористических нападений были российские отдаленные сторожевые пункты и посты. Но то миротворцы... А сербы и подавно чувствовали себя в кольце враждебной блокады.

У них свежи были в памяти натовские бомбардировки Югославии и осталась горькая уверенность в том, что тогда русские братья предали сербов, не встав на их защиту. И все же дружба между нашими народами заложена чуть ли не на генетическом уровне, и с 19 века русская армия воспринималась не иначе как освободительница. Что показательно, в районах, где компактно проживали сербы (не важно, православные или мусульмане, именуемые босняками) уровень доверия к русским миротворцам был высок (не в пример американцам). Собственно, натовцы недоумевали: они так красиво барражировали по окрестностям на джипах и хаммерах, столько денег вложили в пропаганду своих инициатив (у них была с собой телестудия, минитипография), а толку мало.

Русские действовали иначе. Даже выполняя свои повседневные задачи: патрулируя миротворческие маршруты, охраняя представительства международных организаций, склады вооружения и военной техники, осуществляя контроль за перемещением беженцев, наши миротворцы находили время и возможность пообщаться с местным населением. Причем, не сваливались как снег на голову (что у друзей по оружию считалось чуть ли не за особый

шук), а предупреждали местную администрацию, полицию, те, в свою очередь, – жителей. Но когда россияне приезжали в населенный пункт, по домам они ходили в одиночку, без полицейских, при которых местные держали рот на замке. Больше того – без оружия, памятуя тот случай, когда малыш-серб впал в столбняк, увидев возникшего в проеме двери до зубов вооруженного натовца. Люди верили, что к ним идут с чистым сердцем, и потому звали домой, подносили рюмочку ракии, рассказывали о своих бедах и проблемах: перебоях с питьевой водой, питанием, проблемах с дорогами, медобеспечением. И отправляясь в следующий раз на патрулирование, бойцы брали с собой канистры с водой, тушенку, лекарства, приезжали врачи. Об остальной помощи – разговор чуть позже.

В РВК для связи с населением даже создали специальное отделение военно-гражданского сотрудничества, которое вначале возглавил подполковник Александр Рябухин, а после того, как первых посланцев ЛенВО сменила вторая смена, – подполковник Николай Берзейтис. Они взаимодействовали с местными администрациями, общались с населением семи общин, входящих в зону РВК, изучали настроения среди них, вырабатывали лучшую линию пропаганды. Видя, что такая тактика имеет успех, командир американской базы «Игл»5 предоставил нашим агитаторам возможность издавать на их оборудовании плакаты, листовки, пресс-релизы, выступать по сфоровскому радио «Мир». Одновременно российские военные проводили пресс-конференции, беседы на боснийских радиостанциях: «Освит» в Зворнике, «БН-радио» в Биелине – оба этих города находились в российской зоне ответственности.

В Боснии с 2001 года начали действовать военные наблюдатели РВК под командованием полковника Валерия Киселева. Небольшими группами (2 офицера, переводчик и водитель в каждой) они колесили по стране, собирая

значимую информацию о передвижениях групп, нарастании конфронтации и главное – о хранящемся втайне оружии. Так начинали подготовку к операции по его сбору, получившей название «Урожай». Собственно работа эта велась без остановок, просто каждые полтора месяца эстафета переходила от одного национального контингента СФОР к другому. Обычно месяц уходил на предварительную разъяснительную работу и сбор разведданных, а две недели – на обход населения, поисковые мероприятия и уничтожение обнаруженных боеприпасов. Парадокс состоял в том, что 300 российских спецназовцев в активную фазу «Урожая» собирали стволов в десять раз больше, чем трехтысячный американский отряд. Рекламный ролик – образчик натовской пропаганды: в лифте целуется влюбленная парочка, внезапно что-то твердое упирается девушке в живот, сконфуженный парень достает из кармана пистолет. И мораль: «Займись любовью, а не войной». В Америке бы сработало, в Боснии – нет. Но почему-то доверие возникло, когда командир ВРК полковник Прокошев с болью в голосе говорил: «Да, мы знаем, сколько вы выстрадали. И что оружие кажется залогом хоть какой-то безопасности, а сдавать его вы боитесь оттого, что можно попасть под подозрение полиции. Но подумайте о новой мирной жизни, к которой вы призваны. Она не наступит, если огромное количество оружия и боеприпасов останется неучтенным. Ваши дети, подростки, играют с пистолетами и гранатами. Сколько уже было смертей, несчастных случаев! Или облетевшее всех известие о том, как от тротиловой шашки взлетела на воздух кафана (кафе), а ее хозяева на всю жизнь остались инвалидами? Мы, российские военные, гарантируем анонимность для тех, кто укажет, где есть склады с оружием. Мы ликвидируем боеприпасы и взрывчатку, и она уже не сможет совершить свое черное дело. Мы здесь для того, чтобы защищать вас – помните об этом. Сдайте оружие – спите спокойно». И эти скупые слова приносили тот самый урожай. Чаще оружие подбрасывали (иногда прямо к воротам российской базы) или шепотом ука-

зывали место схрона. И чего только в этих тайниках не обнаруживалось: 76-мм орудие, 120-мм миномет, центнеры снарядов и взрывчатки. Не говоря уже о стрелковом оружии.

Разминировали, обезвреживали их прямо на месте наши саперы – иногда они помогали в работе контингентам из других стран. А случаи были сложные. К примеру, авиабомба, застрявшая в стене дома – из нее сочилась жидкость и было подозрение, что это химическое оружие. Стомиллиметровый неразорвавшийся снаряд, обнаруженный на огороде: начальник инженерной службы подполковник Николай Шульга вынес его на руках подальше от жилья и быстро обезвредил (правда, в сфоровской газете рядом со снарядом был сфотографирован американский сержант). Или со всего света навезенные «адские машинки» – мин каких только моделей и производителей не изымали, в том числе запрещенные, химические. Мины – самая большая боль. За 7 лет с окончания войны в Боснии на них подорвалось 1400 человек. Поэтому саперам не до отдыха. На счету того же Николая Шульги, прошедшего по всем почти постсоветским горячим точкам, 28 тысяч разминирований. Кстати, имя его осталось в боснийской топонимике.

А вышло так. Некоторые сербские села за время войны совсем сровняли с землей, жители бежали. Спустя несколько лет они потянулись назад к родному пепелищу. Деньги на строительство домов им выделили страны Евросоюза. Но жители двух горных сел – назывались они Растощницы и Стратовицы – несмотря на подъемные, приступать к постройке нового жилища не могли. По узкой тропинке из долины на грузовике было не подняться. Как же тогда доставить стройматериалы? Обратились за помощью к командованию базы «Игл». Те за амортизацию строительной техники при постройке дороги запросили 7 тысяч долларов, для местного люда деньги совсем неподъемные. Двухкилометровую дорогу шириной 8 метров построила наша инженерная служба всего за 5 дней. Все это время подполковник Шульга лично управлял инженерной машиной разграждения (по сути танком с необходимыми

ми для расчистки завалов насадами), слой за слоем срезая каменистый грунт. И за новой дорогой сразу закрепилось его имя – «Николаев путь». По этому пути потянулись новые репатрианты в два возрождающихся боснийских села...

Да, строили дороги, строили мосты, очищали землю от смертоносной начинки. Но решением НАТО летом 2003 года российский воинский контингент навсегда покинул землю Боснии и Герцеговины. Городу Углевик передали тонны гуманитарной помощи и жилой фонд военного городка (говорят, теперь там живут цыгане). В родном округе наших ребят встретили как героев в том же окружной учебном центре, где они проходили подготовку к миссии миротворцев. А в 2004 году прекратил существование и натовский SFOR, передав свои функции миротворцам Евросоюза (EUFOR). Правда, американцы свое присутствие в Боснии сохранили.

С тех пор прошло 20 лет. Страна, образованная в результате Дейтонского соглашения, по-прежнему разделена по этническому принципу на Хорвато-боснийскую федерацию со столицей в Сараево и Республику Сербскую, где главный город Баня-Лука. Мусульманские политики с подачи США добиваются полной отмены Республики Сербской. Пока она еще сохраняет экономическую самостоятельность, но право на свою армию у нее уже отобрали. В то же время боснийские мусульмане, среди которых немало бывших моджахедов, больше не нужных США, за это время переориентировались на Турцию. Сейчас землю в Боснии активно скупают арабы из Кувейта, ОАЭ и Саудовской Аравии. И если напряженность между Турцией и США будет нарастать, Босния того и гляди снова взорвется. Хотя может хватить и собственных внутренних причин – источники пополнения бюджета у этого искусственно созданного государства крайне скудны. Территорию бывшей Югославии не зря называют Хартлендом, сердцем Европы. Кто владеет Хартлендом, тот правит бал в Европе. Поэтому отворачиваться от проблем народов, населяющих Боснию, по меньшей мере недальновидно. Это понимали 200 русских десантников, удерживавших аэродром в Приштине.

